

**Тысяча и одна
НОЧЬ**

Том VII

Перевод с арабского
Михаила Салье

ФТМ

Эпосы, легенды и сказания

Тысяча и одна ночь. Том VII

Серия «Тысяча и одна ночь», книга 7

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22071513
Тысяча и одна ночь. Том VII: ФТМ; Москва;
ISBN 978-5-4467-2996-8

Аннотация

Книга сказок и историй 1001 ночи некогда поразила европейцев не меньше, чем разноцветье восточных тканей, мерцание стали беспощадных мусульманских клинков, таинственный блеск разноцветных арабских чаш.

«1001 ночь» – сборник сказок на арабском языке, объединенных тем, что их рассказывала жестокому царю Шахрияру прекрасная Шахразада. Эти сказки не имеют известных авторов, они собирались в сборники различными компиляторами на протяжении веков, причем объединялись сказки самые различные – от нравоучительных, религиозных, волшебных, где героями выступают цари и везири, до бытовых, плутовских и даже сказок, где персонажи – животные.

Книга выдержала множество изданий, переводов и публикаций на различных языках мира.

В настоящем издании представлен восьмитомный перевод 1929–1938 годов непосредственно с арабского, сделанный

Михаилом Салье под редакцией академика И. Ю. Крачковского
по калькуттскому изданию.

Содержание

Рассказ об Абу-Хассане-аз-Зияди (ночи 349–351)	5
Триста пятидесятая ночь	7
Триста пятьдесят первая ночь	10
Рассказ о ювелире и трех незнакомцах (ночь 351)	11
Рассказ о багдадце, который увидел сон (ночи 351–352)	13
Триста пятьдесят вторая ночь	15
Рассказ об аль-Мутевакиле и его невольнице (ночи 352–353)	16
Триста пятьдесят третья ночь	19
Рассказ о женщине и медведе (ночи 353–355)	20
Триста пятьдесят четвёртая ночь	22
Триста пятьдесят пятая ночь	25
Рассказ о девушке и обезьяне (ночи 355–357)	28
Триста пятьдесят шестая ночь	29
Триста пятьдесят седьмая ночь	32
Рассказ о коне из чёрного дерева (ночи 357–371)	33
Триста пятьдесят восьмая ночь	36
Триста пятьдесят девятая ночь	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Тысяча и одна ночь. Том VII

Рассказ об Абу-Хассане- аз-Зияди (ночи 349–351)

Рассказывают также, что Абу-Хассан аз-Зияди говорил: «В какой-то день моя обстоятельства сильно стеснились до того, что пристал ко мне зеленщик, хлеботорговец и другие поставщики, и умножилось надо мною горе, и я не находил для себя хитрости. И когда я был в таком состоянии и не знал, что делать, вдруг вошёл ко мне один из моих слуг и сказал: «У ворот человек, паломник, который хочет войти к тебе». – «Позволь ему», – сказал я. И тот человек вошёл, и вдруг я вижу, это человек из Хорасана. И он приветствовал меня, и я возвратил ему привет, и затем он спросил: «Ты ли Абу-Хассан аз-Зияди?» – «Да, – ответил я, – а что тебе нужно?» И человек сказал: «Я чужеземец и хочу совершить паломничество, а со мною много денег, и мне тяжело их нести. Я хочу положить у тебя эти десять тысяч дирхемов на то время, пока не закончу паломничества и не вернусь, и если караван возвратится и ты не увидишь меня, то знай, что я умер, и деньги подарок тебе от меня, а если я вернусь – они мои».

И я сказал ему: «Будь по-твоему, если захочет Аллах великий!» И он вынул мешок, а я сказал слуге: «Принеси мне весы!» И слуга принёс весы, и тот человек отвесил деньги и вручил их мне и ушёл своей дорогой, а я призвал поставщиков и заплатил мой долг...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятидесятая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до трехсот пятидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-Хассая аз-Зияди говорил:

«А я призвал поставщиков и заплатил бывший на мне долг, и стад широко тратить, говоря про себя: «Пока он вернётся, Аллах пошлёт нам что-нибудь от себя». А когда миновал день, слуга вошёл ко мне и сказал: «Твой друг хорасанец у ворот». И я сказал: «Позволь ему!» И хорасанец вошёл и сказал: «Я собирался в паломничество, но пришла ко мне весть о смерти моего отца, и я решил вернуться. Дай же мне деньги, которые я у тебя оставил вчера».

И когда я услышал от него эти слова, меня охватила великая забота – совершенно никто не испытывал ей подобной, и я смешался и не дал ему ответа. Если бы я стал отрицать, он взял бы с меня клятву, и был бы позор в последней жизни, а если бы я рассказал ему, что распорядился деньгами, он обесславил бы меня. И я сказал ему: «Да сделает тебя Аллах здоровым! Моё жилище не защищено, и не хранилище оно для этих денег. Когда я взял твой мешок, я послал его к тому, у кого он теперь. Возвращайся к нам завтра за ним, если захочет Аллах великий!»

И он ушёл от меня, и я провёл ночь в замешательстве, и сон не взял меня в эту ночь, и я не мог смежить век. И

я поднялся к слуге и сказал ему: «Оседлай мне мула». Но он сказал: «О владыка, сейчас время после сумерек и ночи ещё несколько не прошло». И я вернулся в постель, но сон мне не давался. И я все время будил слугу, а тот возражал мне, пока не взошла заря. И слуга оседлал мне мула, и я сел, не зная куда ехать, и бросил поводья мулу на плечо и был занят мыслями и заботами, а мул шёл в восточную сторону Багдада. И когда я ехал, я вдруг заметил людей, которых я видел раньше, и уклонился от них в сторону и свернул на другую дорогу, но они последовали За мной. И, увидав, что я в тайласане¹, они поспешили ко мне и спросили: «Знаешь ли ты жилище Абу-Хассана аз-Зияди?»

«Это я Абу-Хассан аз-Зияди», – ответил я им. И они сказали: «Отвечай повелителю правоверных!» И я пошёл с ними и вошёл к аль-Мамуну, и он спросил меня: «Кто ты?» – «Человек из сподвижников кади АбуЮсуфа, из фатоихоев, знатоков преданий», – ответил я. «Изложи мне твоё дело», – сказал аль-Мамун. И я изложил ему свою историю, и аль-Мамун заплакал сильным плачем и воскликнул: «Горе тебе! Не дал мне посланник Аллаха – да благословит его Аллах и да приветствует! – из-за тебя спать сегодня ночью! Когда я заснул в начале ночи, он сказал мне: «Помоги Абу-Хассану аз-Зияди!» И я проснулся, но я не знал тебя. Потом я заснул,

¹ Тайласан – кусок накрахмаленной материи, который наматывается поверх тюрбана, так что концы его спадают на плечи. Сначала этот головной убор носили только судьи и богословы, позднее он стал принадлежностью костюма высших сановников при мамлюкском дворе.

и он пришёл ко мне и сказал: «Горе тебе! Помоги Абу-Хассану аз-Зияди!» И я проснулся, но я не знал тебя. Потом я заснул, и он пришёл ко мне, но я не знал тебя, и после я заснул, и он пришёл ко мне и сказал: «Горе тебе! Помоги Абу-Хассану аз-Зияди!» И я не осмелился заснуть после этого и бодрствовал всю ночь, и разбудил людей и послал их тебя искать во все стороны».

Потом халиф дал мне десять тысяч дирхемов и оказал: «Это для хорасанца». И затем он дал мне ещё десять тысяч дирхемов и оказал: «Трать эти деньги широко и поправь ими свои дела». И после этого он дал мне ещё тридцать тысяч дирхемов и сказал: «Снаряди себя на это и, когда будет день выезда, приходи ко мне, я назначу тебя на должность».

И я вышел, а деньги были со мною, и пришёл в своё жилище и совершил там утреннюю молитву, и вдруг хорасанец явился. И я ввёл его в дом и вынес ему мешок и сказал: «Вот твои деньги». А он молвил: «Это не те самые деньги». – «Да», – ответил я. И он спросил: «Какова причина этого?» И я рассказал ему всю историю. И хорасанец заплакал и воскликнул: «Клянусь Аллахом, если бы ты сказал правду с самого начала, я не стал бы взыскивать с тебя, и теперь, клянусь Аллахом, я ничего не приму...»

И Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятьдесят первая ночь

Когда же настала триста пятьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что хорасанец сказал аз-Зияди: «Клянусь Аллахом, если бы ты сказал мне правду с самого начала, я не стал бы взыскивать с тебя, и теперь, клянусь Аллахом, я ничего не приму из этих денег, и они для тебя дозволены!» И он ушёл от меня, и я привёл свои дела в порядок и отправился в день выезда к воротам аль-Мамуна и вошёл к нему. А он сидел, и когда я предстал перед ним, он велел мне приблизиться и вынул моё назначение из-под молитвенного ковра. «Вот тебе назначение на должность судьи в Медине-почитаемой, на западной стороне, от Ворот Мира, до того, чему нет конца. И я назначил тебе столько-то и столько-то на каждый месяц, – сказал он. – Бойся же Аллаха великого, сильного и помни о том, как позаботился о тебе посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует!» И люди изумились словам аль-Мамуна и спросили меня об их значении, и я рассказал им всю историю с начала до конца, и весть об этом распространилась среди людей».

И Абу-Хассан пребывал судьёй в Медине-почитаемой, пока не умер во дни аль-Мамуна, – милость Аллаха над ним!

Рассказ о ювелире и трех незнакомцах (ночь 351)

Рассказывают также, что у одного человека было много денег, но они у него пропали и он не имел ничего. И жена его посоветовала ему пойти к кому-нибудь из его друзей, чтобы исправить своё положение. И он пошёл к одному своему другу и упомянул ему о своей нужде, и тот одолжил ему пятьсот динаров, чтобы он открыл торговлю на них. А этот человек по началу стал ювелиром, и он взял золото и отправился на рынок драгоценностей и открыл лавку, чтобы продавать и покупать. И когда он сел в своей лавке, к нему пришли три человека и спросили его про отца, и он упомянул об его кончине, и тогда эти люди спросили его: «Оставил ли он какое-нибудь потомство?» – «Он оставил раба, который перед вами», – ответил ювелир, и пришедшие сказали: «А кто знает, что ты его сын?» – «Люди на рынке», – ответил ювелир. «Собери их, чтобы они засвидетельствовали, что ты его сын», – сказали пришедшие. И ювелир собрал людей, и они засвидетельствовали это. И тогда те три человека вынули мешок, в котором было около тридцати тысяч динаров и дорогие камни и ценные металлы, и сказали: «Это было нам поручено твоим отцом». И затем они ушли. А к ювелиру пришла женщина и потребовала у него некоторые из этих

каменной стоимостью в пятьсот динаров и купила их у него за три тысячи динаров. И ювелир продал ей камни. А затем он поднялся и, взяв пятьсот динаров, которые он занял у своего друга, отнёс их ему, и сказал: «Возьми пятьсот динаров, которые я у тебя занял, – Аллах помог мне и облегчил моё положение». Но его друг отвечал: «Я дал их тебе и выложил их ради Аллаха. Возьми эту бумажку и не читай её раньше, чем будешь в своём доме, и поступай так, как в ней сказано».

И ювелир взял деньги и бумажку и ушёл к себе домой, а развернув бумажку, он увидел, что в ней написаны такие стихи:

Мужи, что пришли к тебе сначала, – родные мне:
Отец его, брат и Салих, дядя мой, сын мой.
И то, что за деньги продал ты моей матери,
И деньги и камни – все пришло от меня к тебе.
И этим я не хотел тебе унижения,
Хотел лишь вознаградить тебя за смущение.

Рассказ о багдадце, который увидел сон (ночи 351–352)

Рассказывают также, что один человек в Багдаде обладал обильными благами и большими деньгами, и иссякли у него деньги, и изменилось его положение, и не стал он иметь ничего, и добывал себе пищу лишь с большими стараниями. И однажды ночью он спал, подавленный и расстроенный, и увидел во сне говорящего, который сказал ему: «Твой достаток в Каире, ищи же его и отправляйся к нему». И этот человек поехал в Каир, и, когда он прибыл туда, его застиг вечер, и он заснул в мечети. А по соседству с мечетью был дом, и Аллах великий предрешил, чтобы шайка воров вошла в мечеть и пробралась оттуда в этот дом. И обитатели дома проснулись от движения воров и подняли крики, и вали со своими людьми помог им, и вору убежали. И вали вошёл в мечеть и увидел человека из Багдада, стоявшего в мечети, и схватил его и больно побил плетьюми, так что он едва не погиб, и заточил его. И он пробыл три дня в тюрьме, а затем вали призвал его и спросил: «Из какого ты города?» – «Из Багдада», – ответил человек. «А какова твоя нужда, из-за которой ты пришёл в Каир?» – спросил вали. И человек ответил: «Я увидел во сне говорящего, который сказал мне: «Твой достаток в Каире, отправляйся туда». А придя в Каир,

я увидел, что достаток, о котором он мне рассказывал, – это плети, которые достались мне от тебя».

И вали засмеялся так, что стали видны его клыки, в ска- зал: «О малоумный! Я три раза видел во сне говорящего, ко- торый говорил мне: «В Багдаде, в таком-то квартале, есть дом такого-то вида, и во дворе его садик, и там водоём, а под ним деньги в большом количестве; отправляйся к ним и возьми их, – и не поехал, а ты по своему малоумию ездил из города в город из-за сновидения, которое тебе привиделось, и это спутанные грёзы». И потом он дал ему денег и сказал: «Помоги себе этим, чтобы возвратиться в свой город...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволен- ные речи.

Триста пятьдесят вторая ночь

Когда же настала триста пятьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что вали дал багдадцу денег и сказал ему: «Помоги себе этим, чтобы возвратиться в свой город». И человек взял их и вернулся в Багдад. А дом, который описал вали, был домом этого человека, и, прибыв в своё жилище, он стал копать под водоёмом и увидел большие деньги, и Аллах расширил его достаток, и это удивительное совпадение.

Рассказ об аль-Мутеваккиле и его невольнице (ночи 352–353)

Рассказывают также, что во дворце повелителя правоверных, аль-Мутеваккиля было четыреста наложниц: двести румиек я двести туземок и абиссинок. И Убейд ибн Тахир подарил аль-Мутеваккилю четыреста невольниц: двести белых и двести туземок и абиссинок. И среди них была невольница по имени Махбуба, из уроженок Басры, и была она превосходна по красоте и прелести, изяществу и изнеженности, и играла на лютне и хорошо пела и слагала стихи и писала отличным почерком. И аль-Мутеваккиль увлёкся ею и не мог вытерпеть без неё ни одной минуты. И когда невольница увидела его склонность к ней, она возгордилась и не была благодарна за милость. И аль-Мутеваккиль прогневался на неё великим гневом и покинул её, и не позволил обитателям дворца говорить с нею, и она прожила так несколько дней. А аль-Мутеваккиль чувствовал к ней склонность, и в какой-то день утром он сказал своим собеседникам: «Я видел сегодня ночью во сне, что помирился с Махбубой». И они ответили ему: «Мы ждём от Аллаха великого, что это будет наяву».

И в то время как они разговаривали, пришла одна служанка и тихо сказала что-то аль-Мутеваккилю, и тот вышел из залы и вошёл в покой женщин. А служанка, говоря поти-

хоньку с аль-Мутеваккилем, вот что сказала ему: «Мы услышали из комнаты Махбубы пенье и игру на лютне и не знаем причину этого».

И когда аль-Мутеваккиль дошёл до её комнаты, он услышал, что невольница поёт под лютню, хорошо играя, и говорит такие стихи:

«Хожу по дворцу, не видя, кому бы я
Пожаловаться и слово сказать могла,
И кажется, что провинность свершила я,
И нет для меня спасенья и раскаяния.
Найдётся ли мне заступник пред тем царём,
Что в грёзах для примиренья пришёл ко мне?
Но, снова когда настала заря для вас,
К разлуке он вновь вернулся, порвав со мной».

И когда аль-Мутеваккиль услышал её слова, он удивился этим стихам и такому диковинному совпадению, что Махбуба увидела сон, совпадающий с его сном. И он вошёл к ней в комнату, и, когда он вошёл в её комнату и Махбуба услышала это» она поспешила подняться и склонилась к его ногам, целуя их, и сказала: «Клянусь Аллахом, о господин, я видела его происшествие во сне вчера ночью и, пробудившись от сна, сложила эти стихи». – «Клянусь Аллахом, я видел такой же сон!» – сказал аль-Мутеваккиль, и потом они обнялись и помирились, и аль-Мутеваккиль пробыл у неё семь дней с ночами. А Махбуба написала мускусом у себя на щеке имя

аль-Мутеваккиля (а имя его было Джафар), и, увидав своё имя, написанное на её щеке мускусом, он произнёс:

«О мускусом «Джафар» на щеке написавшая,
Души мне дороже, кто писал то, что вижу я!
И если персты её вдоль щёк строку вывели,
То в сердце моё они вложили не мало строк.
О ты, кого Джафар сам хранит среди других людей, –
Напитком твоим Аллах пусть Джафара напоит!»

И когда аль-Мутеваккиль умер, его забыли все невольницы, которые были у него, кроме Махбубы...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятьдесят третья ночь

Когда же настала триста пятьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда аль-Мутеваккиль умер, его забыли все невольницы, которые были у него, кроме Махбубы, – она не переставала печалиться о нем, пока не умерла, и её похоронили с ним рядом, да помилует их всех Аллах!

Рассказ о женщине и медведе (ночи 353–355)

Рассказывают также, что был во времена аль-Хакима биамр-Аллаха² один человек в Каире, по имени Вардан, и был он торговец бараньим мясом. И одна женщина приносила ему каждый день динар, вес которого был близок к весу двух с половиной динаров египетскими динарами, и говорила ему: «Дай мне ягнёнка», – и приводила с собой носильщика с корзиной. И мясник брал у неё динар и давал ей ягнёнка, а она давала его нести носильщику и брала его с собой и уходила в своё жилище, а на следующий день на заре приходила. И этот мясник получал с неё каждый день динар, и она делала так долгое время. И в какой-то день мясник Вардан стал думать о её деле и сказал про себя: «Эта женщина каждый день покупает у меня на динар, не пропуская ни одного дня, и покупает на деньги! Это удивительное дело!» Потом Вардан спросил носильщика в отсутствие женщины и сказал ему: «Куда ты ходишь каждый день с этой женщиной?» И носильщик ответил: «Я в крайнем удивлении из-за этой женщины. Она каждый день заставляет меня носить от тебя ягнёнка и покупает съестного, плодов, свечей и закусок ещё на динар, и бе-

² Аль-Хаким биамр-Аллах («Судящий по велению Аллаха») – халиф из династии Фатимидов, правил 996-1021 годы.

рет у одного человека, христианина, две бутылки вина и даёт ему динар и заставляет меня все это нести. И я иду с нею к Садам Везиря, и потом она завязывает мне глаза, чтобы я не видал на земле того места, куда я ставлю ногу, и берет меня за руку, и я не Знаю, куда она меня ведёт. И зачтём она говорит мне: «Поставь здесь». А у неё есть другая корзина, и она отдаёт мне пустую и берет меня за руку и возвращается со мной на то место, где она завязывала мне глаза повязкой, и развязывает её и даёт мне десять дирхемов». И мясник сказал: «Аллах да подаст ей помощь!» Но он стал ещё больше думать о её деле, и возросло его беспокойство, и он провёл ночь в большом волнении. И говорил Вардан-мясник: «И наутро она пришла ко мне, по обычаю, и дала мне динар и взяла ягнёнка и отдала его нести носильщику и ушла, а я поручил лавку мальчику и последовал за ней, так что она меня не видала...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятьдесят четвёртая ночь

Когда же настала триста пятьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Вардан-мясник говорил: «И я поручил мальчику и последовал за женщиной, так что она меня не видела, и все время смотрел на неё, пока она не вышла из Каира. И я крался за ней, пока она не достигла Садов Везиря, а я все скрывался. И женщина завязала носильщику глаза, а я следовал за нею, пока она не пришла к горе. И она подошла к одному месту, где был большой камень, и сняла корзину с носильщика, и я подождал, пока она вернулась с носильщиком и пришла назад и вынула все, что было в корзине, и скрылась, и некоторое время её не было. И тогда я подошёл к тому камню и поднял его и вошёл и увидел за камнем открытую опускную дверь из меди и ступеньки, ведущие вниз. И я стал спускаться по этим ступенькам понемногу, понемногу, пока не дошёл до длинного прохода, где было много света, и шёл по нему, пока не увидел подобие двери, ведущей в комнату. И я осмотрелся по углам и увидел нишу со ступеньками за дверью комнаты, и поднялся по ним и увидел маленькую нишу с окошечком, выходящим в ту комнату. И, заглянув в комнату, я увидел, что женщина взяла ягнёнка и отрезала лучшие его части и стала их варить в котле, а остатки бросила большому медведю могучего вида. И медведь съел ягнёнка до конца, пока она

стряпала. А потом женщина вдоволь поела и разложила плоды, свежие и сухие, и поставила вино, и стала пить из кубка и поить медведя из золотой чаши, пока её не охватил дурман опьянения. И тогда она сняла исподнее и легла, а медведь поднялся и упал на неё, и она давала ему лучшее, что есть у потомков Адама, пока он не кончил и не сел. Но потом он подскочил к ней и упал на неё, а окончив, сел и отдохнул, и он не прекращал этого, пока не сделал так десять раз, а после того они оба упали без памяти и стали неподвижны. И тогда я сказал в душе: «Вот время воспользоваться случаем!» И спустился вниз, а со мной был нож, который режет кости прежде мяса. И, оказавшись подле них, я увидел, что у них не шевелится ни одна жилка из-за труда, который достался им. И, приложив нож к горлу медведя, я опёрся на него и прикончил медведя, отделил ему голову от тела, и раздался великий хрип, точно гром, и женщина проснулась, испуганная, и, увидав, что медведь зарезан, а я стою с ножом в руке, вскрикнула страшным криком, так что я подумал, что дух из неё вышел, и сказала мне: «О Вардан, это ли будет воздаянием за милость!» – «О враг самой себе, – отвечал я, – разве для тебя нет мужчин, что ты делаешь это позорное дело?» И она опустила голову, не давая ответа, не спуская глаз с медведя, голова которого была отделена от тела. «О Вардан, – сказала она потом, – что тебе любезнее – выслушать то, что я тебе скажу, – и это будет причиной твоего спасения...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволен-

ные речи.

Триста пятьдесят пятая ночь

Когда же настала триста пятьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина сказала: «О Вардан, что тебе любезнее – выслушать то, что я тебе скажу, – и это будет причиной твоего спасения и богатства до конца века, – или ослушаться меня, и это будет причиной твоей гибели?» – «Я выбираю внимание к твоим словам: скажи мне что хочешь», – ответил я ей, и она сказала: «Зарежь и меня, как зарезал медведя! Возьми из этих сокровищ то, что тебе нужно, и иди своей дорогой».

«Я лучше этого медведя, – сказал я ей. – Возвратись к Аллаху великому и покайся, и я женюсь на тебе, и мы проживём остаток нашей жизни на эти сокровища». – «О Вардан, далеко это! Как я буду жить после него? – воскликнула женщина. – Клянусь Аллахом, если ты меня не зарежешь, я непременно погублю твою душу». – «Не возражай мне – ты погибнешь: вот каково моё мнение, и конец! Я тебя зарежу, и ты пойдёшь к проклятию Аллаха!» – воскликнул я, и затем я потянул её за волосы и зарезал её, и она отправилась к проклятию Аллаха и ангелов и всех людей. А после того я осмотрелся и нашёл столько золота и камней и жемчуга, сколько не может собрать ни один из царей. И я взял корзину носильщика и наполнил её, насколько мог, а затем я прикрыл её платьем, которое было на мне, и понёс её и вышел

из сокровищницы. И я пошёл и шёл, не останавливаясь, до ворот Каира, и вдруг приблизились ко мне десять человек из приближённых аль-Хакима биамр-Аллаха, и аль-Хаким был среди них. «Эй, Вардан!» – крикнул он мне, и я ответил: «К твоим услугам, о царь!» – «Убил ты медведя и женщину?» – спросил он, и я отвечал: «Да». И тогда он сказал: «Сними ношу с головы и успокойся душой, – все богатство, которое с тобою, – твоё, и никто не станет его у тебя оспаривать». И я поставил корзину перед ним, и он открыл её и увидел и сказал: «Расскажи мне их историю, хотя я и знаю её, как будто присутствовал там вместе с тобою».

И я рассказал ему обо всем, что случилось, а он повторял: «Ты сказал правду!» А потом он молвил: «О Вардан, пойдём к сокровищам!» И я пошёл с ним к сокровищам, и он увидел, что опускная дверь заперта, и сказал: «Подними её, о Вардан, эти сокровища никто не может открыть, кроме тебя, они охраняются твоим именем и твоим обликом». – «Клянусь Аллахом, я не могу открыть их!» – воскликнул я, но аль-Хаким сказал: «Подходи с благословения Аллаха!» И я подошёл к опускной двери, и назвал имя Аллаха великого, и протянул к ней руку, и она поднялась, точно была легче всего, что бывает. «Спустись и подними то, что там есть, – никто не спускался туда, кроме того, у кого твоё имя, твой образ и твои признаки, с тех пор как сокровища туда положены, и медведь и женщина убиты тобой. Так у меня записано, и я ожидал, что это произойдёт, и так оно и произошло», –

сказал аль-Хаким.

И я спустился, – говорил Вардан, – и перенёс к нему все, что было в сокровищнице, а потом он потребовал вьючных животных и погрузил все и дал мне мою корзину с тем, что в ней было, и я взял её и направился домой и открыл себе лавку на рынке».

А этот рынок существует и поныне и называется рынком Вардана³.

³ Рынок Вардана находился в старом Каире. В географической литературе арабов название его связывается с личностью некоего Вардана-грека, который принимал участие в завоевании арабами Египта.

Рассказ о девушке и обезьяне (ночи 355–357)

Рассказывают также, что у одного из султанов была дочь, к сердцу которой привязалась любовь к чёрному рабу, и он уничтожил её девственность, и царевна полюбила совокупление и не могла прожить без этого и одной минуты. И она пожаловалась одной из управительниц, и та рассказала ей, что никто не совокупляется чаще, чем обезьяна. И случилось, что обезьянщик проходил под окнами девушки с большой обезьяной, и девушка открыла лицо и посмотрела на обезьяну и мигнула ей глазами, и обезьяна разорвала свои путы и цепи и поднялась к ней. И девушка спрятала её в одном месте у себя, и обезьяна проводила ночи и дни в еде, питьё и совокуплении. И отец девушки догадался об этом и хотел убить её...»

И Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятьдесят шестая ночь

Когда же настала триста пятьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда султан догадался о проделках своей дочери и хотел убить её, она узнала об этом и оделась в одежду невольников, и села на коня, и, взяв с собой мула, нагрузила на него столько золота, металлов и материй, что нельзя описать, и увезла обезьяну с собой, и ехала до тех пор, пока не достигла Каира. И она поселилась в одном из домов на равнине, и стала каждый день покупать мясо у одного юноши мясника, но она приходила к нему только после полудня с пожелтевшим цветом лица и изменившимся видом, и юноша говорил про себя: «У этого невольника неизбежно должно быть диковинное дело».

И когда она однажды пришла, как обычно, и взяла мяса, юноша последовал за ней так, что она его не видела.

«И я все шёл за ней, а она меня не видела, – говорил юноша, – пока она не достигла своего жилья, которое было на равнине, и не вошла туда. И я стал смотреть на неё, стоя в стороне, и увидел, что она расположилась в своём помещении, зажгла огонь, приготовила мясо и вдоволь поела, а остаток мяса дала обезьяне, которая была с нею, и та съела сколько могла. И женщина сняла бывшую на ней одежду и надела самое роскошное женское платье из бывших у неё, и я понял, что она женщина. И затем она принесла вино и выпи-

ла и напоила обезьяну, и потом обезьяна падала на неё около десяти раз, пока женщина не обеспамятела, а после этого обезьяна прикрыла её шёлковым плащом и ушла на своё место. И я спустился в середину помещения, и обезьяна почувствовала меня и хотела меня растерзать, но я поспешно вынул нож, бывший у меня, и проткнул им брюхо обезьяны. И женщина проснулась, утращённая и испуганная, и, увидев обезьяну в таком состоянии, закричала великим криком, так что едва не погубила себя, и затем упала без памяти. А очнувшись от обморока, она сказала мне: «Что побудило тебя к этому? Ради Аллаха, пошли меня вслед за нею!» И я до тех пор уговаривал её и ручался ей, что я справлюсь с тем, с чем справлялась обезьяна, имевшая столь частые сношения, пока страх женщины не успокоился. И я женился на ней, но оказался слаб для этого и не мог этого вытерпеть, и пожаловался на своё положение одной старухе, и упомянул ей, каково было дело с женщиной. И старуха взялась устроить мне это дело и сказала: «Неприменно принеси мне котелок и наполни его крепким уксусом, и принеси мне рятль молодого алоэ». И я принёс ей то, что она просила, и старуха положила все в котелок, и поставила котёл она огонь, и дала тому, что в нём было, сильно закипеть, а потом велела мне иметь сношение с той женщиной, и я делал это, пока она не обеспамятела. И старуха подняла её, бесчувственную, и приблизила её фардж к отверстию котла, и дым из него поднялся и вошёл к ней в фардж, и оттуда что-то вышло. И я всмотрелся и вдруг вижу,

это два червячка – один чёрный, другой жёлтый, и старуха сказала: «Первый вырос от сношений с негром, а второй вырос от сношений с обезьяной». И когда женщина очнулась от обморока, она провела со мной некоторое время, не требуя сношений, и Аллах отвёл от неё это состояние, и я удивился этому...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятьдесят седьмая ночь

Когда же настала триста пятьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил: «И Аллах отвёл от неё это состояние, и я удивился этому и рассказал ей всю историю».

И женщина жила с этим человеком приятнейшей жизнью, в наилучшем наслаждении и взяла к себе старуху вместо матери. И она с мужем и со старухой пребывала в наслаждении и радости, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же слава живому, который не умирает, и в чьей руке видимое и невидимое царство!

Рассказ о коне из чёрного дерева (ночи 357–371)

Рассказывают, что был в древние времена великий царь, значительный саном, и было у него три дочери, подобные полным лунам и цветущим садам, и сын – словно месяц. И когда царь сидел в один из дней на престоле своего царства, вдруг вошли к нему трое мудрецов, и у одного из них был павлин из золота, у другого труба из меди, а у третьего конь из слоновой кости и эбенового дерева⁴. «Что это за вещи и какова польза от них?» – спросил царь. И обладатель павлина сказал: «Полезность этого павлина в том, что всякий раз, как пройдёт час ночи или дня, он хлопает крыльями и кричит». А обладатель трубы молвил: «Если трубу поставить на ворота города, она будет для него как страж, и, когда войдёт в этот город вор, она закричит на него, и его узнают и схватят за руки». А обладатель коня сказал: «О владыка, полезность этого коня в том, что если сядет на него верхом человек, то конь доставит его в какую он хочет страну». – «Я не награжу вас, пока не испытаю полезности этих вещей», – сказал царь, и потом он испытал павлина и убедился, что он таков,

⁴ Эбеновое (или чёрное) дерево известно арабам с древних времён. Из него выделывались различные украшения, шахматные фигуры; ему приписывались и целебные свойства.

как говорил его обладатель, и испытал трубу и увидел, что она такова, как говорил её обладатель. И тогда царь сказал обоим мудрецам: «Пожелайте от меня чего-нибудь!» И они ответили: «Мы желаем, чтобы ты дал каждому из нас в жены дочь из твоих дочерей».

А потом выступил третий мудрец, обладатель коня, и облобызал землю перед царём и сказал: «О царь времени, награди меня так же, как ты наградил моих товарищей». – «Сначала я испытаю то, что ты принёс», – сказал царь. И тогда подошёл сын царя и сказал: «О батюшка, я сяду на этого коня и испробую его и испытаю его полезность». – «О дитя моё, испытывай его как хочешь», – ответил царь. И царевич поднялся и сел на коня и пошевелил медленно ногами, но конь не двинулся с места. «О мудрец, где же скорость его бега, о которой ты говоришь?» – спросил царевич. И тогда мудрец подошёл к царевичу и показал ему винт подъёма и сказал: «Поверни этот винт!» И царевич повернул винт, и вдруг конь задвигался и полетел с царевичем к облакам, и все время летел с ним, пока не скрылся. И тогда царевич растерялся и пожалел, что сел на коня, и сказал: «Поистине, мудрец сделал хитрость, чтобы погубить меня! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!»

И он стал осматривать коня и, разглядывая его, вдруг увидел на правом плече что-то похожее на петушиную голову и то же самое на левом плече. И царевич сказал себе: «Я не вижу на коне ничего, кроме этих двух шпеньков». И стал пово-

рачивать шпенёк, который был на правом плече; но конь полетел с ним скорее, поднимаясь по воздуху, и царевич оставил шпенёк. И он посмотрел на левое плечо и увидел другой шпенёк и повернул его; и, когда царевич повернул левый шпенёк, движения коня замедлилось и изменилось с подъёма на спуск, и конь все время понемногу, осторожно спускался с царевичем к земле...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятьдесят восьмая ночь

Когда же настала триста пятьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царевич повернул левый шпенёк, движение коня замедлилась и изменилось с подъёма на спуск, и конь все время понемногу, осторожно спускался с царевичем на землю.

И когда царевич увидел это и узнал полезность коня, его сердце исполнилось веселья и радости, и он поблагодарил Аллаха великого за милость, которую он ему оказал, когда спас его от гибели. И он не переставая спускался весь день, так как во время его подъёма земля удалилась от него, и поворачивал морду коня, как хотел, пока конь спускался, и если желал – он спускался на коне, а если желал – поднимался.

И когда царевичу удалось то, что он хотел от коня, он направил его в сторону земли и стал смотреть на бывшие там страны и города, которых он не знал, так как никогда их не видел. И среди того, что он увидел, был город, построенный наилучшим образом, и стоял он посреди зеленой земли, цветущей, с деревьями и каналами, и царевич подумал про себя и сказал: «О, если бы я знал, как имя этому городу и в каком он климате!» И затем он принялся кружить вокруг этого города и рассматривать его справа и слева; а день повернулся, и солнце приближалось к закату, и царевич сказал себе: «Я не найду места, чтобы переночевать, лучше, чем этот го-

род. Я переночую здесь, а наутро отправлюсь в моё царство и осведомлю моих родных и моего отца о том, что случилось, и расскажу ему, что видели мои глаза».

И он стал искать места, безопасного для себя и для своего коня, где бы его никто не увидел, и вдруг заметил посреди города дворец, возвышавшийся в воздухе, и дворец этот окружала толстая стена с высокими бойницами. И царевич сказал себе: «Поистине, это место прекрасно!» И стал двигать шпенёк, который опускал коня, и летел вниз до тех пор, пока не опустился прямо на крышу дворца. И тогда он сошёл с коня и восхвалил Аллаха великого и стал ходить вокруг коня, осматривая его и говоря: «Клянусь Аллахом! Поистине, тот, кто тебя сделал, искусный мудрец! И если Аллах продлит назначенный мне срок и возвратит меня целым в мою страну и к родным и сведёт меня с моим родителем, я сделаю этому мудрецу всякое добро и окажу ему крайнюю милость». И он просидел на крыше дворца, пока не узнал, что люди заснули, и его мучили голод и жажда, ибо с тех пор, как он расстался с отцом, он ничего не ел. И тогда он сказал себе: «В таком дворце, как этот, не может не быть припасов!» И оставил коня в одном месте и пошёл пройтись и поискать какой-нибудь еды. И он увидел лестницу и спустился по ней вниз и увидел двор, выстланный мрамором, и удивился он этому месту и тому, что оно хорошо выстроено, но только он не услышал во дворце никакого шума и не увидел живого человека.

И он остановился в замешательстве и стал смотреть направо и налево, не зная, куда направиться, а потом он сказал себе: «Нет для меня ничего лучшего, как возвратиться к тому месту, где мой конь, и переночевать там, а когда настанет утро, я сяду на коня и поеду...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятьдесят девятая ночь

Когда же настала триста пятьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царевич сказал себе: «Нет для меня ничего лучшего как переночевать возле моего коня, а когда настанет утро, я сяду на коня и поеду».

И когда он стоял, говоря своей душе такие слова, он вдруг увидел свет, который приближался к тому месту, где он стоял. И царевич всмотрелся в этот свет и увидел, что он движется с толпой невольниц, и среди них идёт сияющая девушка со станом, как буква алиф, напоминающая светлую луну, как сказал о ней поэт:

Пришла, не условившись, во мраке ночном она.
Подобно луне, на тёмном небе сияющей.
О стройная! Среди людей, похожих на нёс, нет
По блеску красоты её и свету наружности,
Вскричал я, когда глаза узрели красу её:
«Хвала всех создавшему из крови стгутившейся!»
Её убережь от глаз людских я хочу, сказав:
«Скажи: «Сохрани меня, людей и зари господь!»⁵

И была та девушка дочерью царя этого города, и отец любил её сильной любовью, и из-за своей любви к ней он построил этот дворец, и всякий раз, как у царевны стеснялась

⁵ Слегка изменённая цитата из Корана.

грудь, она приходила туда со своими невольницами и оставалась там день, или два дня, или больше, а потом возвращалась к себе во дворец. И случилось так, что она пришла в этот вечер, чтобы развлечься и повеселиться, и шла между своими невольницами, и с нею был евнух, опоясанный мечом. И когда она вошла в этот дворец, разостлали ковры и зажгли жаровни с курениями и стали играть и веселиться, и, когда все играли и веселились, царевич вдруг бросился на евнуха и ударил его один раз по лицу и повалил, и он взял его меч и бросился на невольниц, которые были с царевной, и разогнал их направо и налево.

И когда царевна увидела его красоту и прелесть, она сказала ему: «Может быть, ты тот, кто вчера сватал меня у отца, но он отказал тебе и говорил, что ты безобразен видом? Клянусь Аллахом, солгал мой отец, когда сказал такие слова, и ты не иначе как красавец!»

А сын царя Индии сватал царевну у её отца, но царь отказал ему, так как он был отвратителен видом, и царевна подумала, что это тот, кто её сватал. И она подошла к юноше и обняла его, и поцеловала, и легла с ним, и невольницы сказали ей: «О госпожа, это не тот, кто сватал тебя у отца, так как тот был безобразный, а этот красивый. И тот, кто сватал тебя у отца, а он отверг его, не годится, чтобы быть слугою у этого, и этот юноша, о госпожа, велик саном».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.